

Рамю Пьер.

Публицистика

- Анархизм, синдикализм и антимилитаризм в Австрии
- Антимилитаризм как тактика анархизма
- Индивид, государство и общество
- Ленин и парламентаризм

Анархизм, синдикализм и антимилитаризм в Австрии

1924, источник: [здесь](#). Перевод с немецкого. Опубликовано в "Die Internationale" Nr. 1, 1924.
<https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/pierre-ramus/6652-pierre-ramus-anarchismus-syndikalismus-und-antimilitarismus-in-oesterreich>.

Австрийское социалистическое движение всегда шло по стопам движения немецкого рейха. Это означает, что после короткого, мимолётного периода радикального социал-демократического движения в 1880-х годах, это движение – не в последнюю очередь под влиянием таких немецких деятелей, как Каутский и другие – двинулось в воды умеренного социал-демократического направления марксизма. Учитывая крайне скудные и скромные исторические тенденции к социалистическому развитию, когда-либо существовавшие в Австрии, а также сдерживающий эффект, оказанный различными убийствами и актами насилия со стороны радикального движения в то время, то было вполне естественно, что рабочее движение должно было влиться в бассейн социал-демократии и её централистского профсоюзного движения.

Анархизм, включая тех, кто ошибочно присвоил себе это название, а также действительно ценные подходы к нему со временем исчезли, пока в 1907-м году в Вене не была основана организация «Процветание для всех». Однако, хотя для тогдашнего небольшого движения коммунистического анархизма и революционного синдикализма, организованного под названием «Всеобщая федерация профсоюзов Австрии», было большим удовлетворением, что оно смогло сохранить себя и свой орган с тиражом около 1500-2000 экземпляров (в тогдашней территориально большой Австро-Венгрии). Тем не менее, ему не удалось подорвать власть социал-демократии, которая неограниченно руководила австрийским пролетариатом и, в частности, благодаря предоставленному в 1905-м году всеобщему, равному и прямому избирательному праву, быстро превратилась в главную парламентскую коррумпированную партию социализма.

Из всех обещаний и посулов, которые социал-демократия давала пролетариату в то время, ничего не было реализовано, но конечным результатом стало предательство пролетариата 1914-м году ради военных целей династии, которое было очень похоже на предательство родственного движения в Германии. Возможно, предательство австрийской социал-демократии следует считать даже более позорным, чем германской, поскольку первая, благодаря абсолютистской и деспотической прерогативе парламента, имела бы возможность с самого начала выступить против войны как преднамеренной фальсификации воли народа.

Однако австрийское движение поступило так, как его тогдашний лидер доктор Виктор Адлер заявил в июле 1914-го года в «Международном социалистическом бюро» в Брюсселе – по словам его сына Фридриха в суде: австрийская социал-демократия ничего не предпримет против проведения мобилизации и объявления войны, как только она будет объявлена! Это тем более исторически актуально, что автор этих строк ещё в 1909-м году, по случаю своего пребывания в Цюрихе, в ходе антимилитаристской лекции предсказал, что австрийская социал-демократия в серьёзном случае поступит именно так. В то время Фридрих Адлер, присутствовавший на этой встрече, отрицал возможность того, что его партия займёт такую позицию. Опыт показал, кто был прав.

При господстве социал-демократии и марксизма в австрийском рабочем движении, конечно, до войны в Австрии могло существовать только независимое, автономное, революционно-социалистическое движение синдикализма, даже в небольших группах. Это движение было, так сказать, полностью поглощено движением коммунистического анархизма, о котором можно сказать, что до войны оно было полностью идентично всему существовавшему здесь революционному синдикализму. Пропаганда и агитация носили преимущественно революционный профсоюзный характер, представляя синдикализм, в частности, как организацию всеобщей забастовки, как в интересах пролетариата, так и в качестве фактора отказа от военной службы в экономико-производственной сфере в противовес возможности войны. Последствия борьбы социал-демократов против этого движения для австрийского пролетариата известны сегодня любому объективно мыслящему человеку. Сама история вынесла приговор австрийской социал-демократии, и пролетариату пришлось заплатить страшную цену за то, что марксизм не позволил ему интеллектуально и практически понять анархизм и революционный синдикализм.

К сожалению, опыт войны, во всем его ужасе, отнюдь не научил австрийский пролетариат видеть социал-демократию насквозь и интеллектуально переступить через неё. Два фактора, в частности, способствовали тому, что австрийские рабочие все ещё бесконечно далеки от того, чтобы стать органом действий по социальному освобождению, достойным названия революционного рабочего движения.

Ловко приспособившись к легкомыслию и лености средней человеческой природы, социал-демократия всегда воздерживалась от распространения великой идеи социализма в сколько-нибудь заметной степени среди пролетариата; даже с социал-демократической точки зрения это не было сделано. Массы всегда отгораживались самыми мелкими и обманчивыми интересами момента и дня, вследствие чего их умственная жизнь оставалась неразвитой и не росла до задач социализма и социальной революции. Профсоюзы существовали и существуют для того, чтобы разрешать экономические конфликты между капиталом и трудом, а отнюдь не для того, чтобы доводить их до революционного результата. Всё остальное загроузено парламентаризмом и электоральной политикой социал-демократии, не оставляя места для какой-либо другой деятельности. Даже если кажется, что она ступает на другие, экономические пути, как, например, недавно при основании так называемого рабочего банка, не следует думать, что это посмертное воплощение прудонистских устремлений. На самом деле, Рабочий банк действительно заимствован у них, и, как и во многих других случаях, включая этот, австрийская социал-демократия отходит от практического применения марксизма, но только для того, чтобы

злоупотребить прудонистской идеей, то есть применить её совершенно буржуазным образом.

Другим фактором, тормозившим движение австрийского пролетариата, был большевизм, или псевдокоммунизм. Когда массы озлобленных, голодных и отчаявшихся солдат вернулись из окопов и произошёл полный крах бывшей монархии в результате распада старой австрийской конфедерации национальностей, вызванного ошибкой династического кабинета, эти массы жаждали и жаждали не только физического хлеба, но и духовного питания и переориентации. Они, несомненно, хотели сделать что-то в духе истинного освобождения. Они обращались за помощью к своим лидерам и в то же время имели в своих руках не только материальную, но и военную силу, поскольку были вооружены.

Но эти лидеры не предложили массам ни одной идеи касательно того, как конкретно реализовать социализм. Не было экспроприации массами неиспользуемой земли, не было захвата огромного количества и зачастую неиспользуемых средств производства, не было перегруппировки многих десятков тысяч беспомощных безработных и реализации через них идей социализма-коммунизма. Вместо этого произошёл позорный обман народа, был принят ряд псевдореформаторских законов, явно направленных на обман и парализацию экономических сил пролетариата, и одновременно разгорелась борьба между самими социал-демократическими лидерами за обладание властью. Первые обладали властью и провозглашали от своего имени «демократию»; вторые стремились к власти («коммунисты») и провозглашали от имени этого стремления «диктатуру пролетариата», которую первые – социал-демократы – все равно практически осуществляли и поэтому не хотели подражать российской модели исключительного захвата власти, поскольку ясно осознали несостоятельность российского примера ещё в 1919-го году. Пролетариат оказался между братоубийственной борьбой марксистов с обеих сторон и потерял в этом соперничестве всё, что могло бы сделать его опасным для буржуазии: прежде всего, ясную волю и экономически ориентированное, прямое действие ради её реализации.

Анархизм и синдикализм оказались практически бессильны перед лицом этих событий. Тем более что только очень небольшое число товарищей из довоенного времени осталось верным своим принципам. К сожалению, большинство перешло на сторону большевизма и теперь прямо и косвенно боролось против анархо-синдикалистского движения от имени и в интересах австрийской «коммунистической» партии. В декабре 1918-го года в условиях величайших трудностей был создан «Союз безначальственных социалистов» (BhS/CbC), и пришлось начинать с нуля, собирая силы. В условиях ужасающей безработицы, наступившей после кризиса, синдикалистская пропаганда не представляла никакого интереса, и в условиях революции, о которой ещё нельзя было знать, что она принесёт, решительная позиция в пользу конечной цели была долгом и императивом всех товарищей. Это было выполнено, и со временем произошёл чистый раскол, в ходе которого часть бывших товарищей вернулась к нам, а другая часть полностью влилась в «коммунистическую» партию, в созданные ею профсоюзные ядра – так называемые «революционные блоки» – в центральных организациях; оставшаяся часть так называемых товарищей вообще исчезла с лица любой пропагандистской деятельности.

В настоящее время ситуация такова, что единственной активной и существующей организацией в Австрии, которая развивает заявленную анархистскую и анархо-синдикалистскую деятельность внутри рабочего класса, является Союз безначальственных социалистов. Несмотря на небольшие размеры страны, сегодня это движение выросло более чем в три раза, а еженедельный орган нашей федерации, "Познание и освобождение", распространяется во всех крупных городах Австрии. Развитие исключительно синдикалистской пропаганды в Австрии практически невозможно по ряду причин, прежде всего потому, что те элементы, которые могли бы склонить рабочих к выходу из существующих центральных организаций и которые состоят в основном из бывших товарищей австрийского синдикализма, находятся в «коммунистической» партии и в своей профсоюзной деятельности через вышеупомянутые «революционные блоки» уже не стремятся ни к чему другому, как занять место нынешних лидеров социал-демократической организации. Именно поэтому они полностью воздерживаются от борьбы с её централизованным характером, а на самом деле хотят лишь захватить весь этот аппарат, поработавший пролетариат. Если бы мы, безвластные социалисты, стали пропагандировать выход из существующих профсоюзов, то обе секции – социал-демократы и «коммунисты» – ополчились бы против вольных социалистов и легко сделали бы невозможной их работу на всех предприятиях маленькой Австрии. Последнее часто случается с «коммунистами» со стороны социал-демократов, но это не оказывает слишком сильного влияния на «коммунистические» элементы, поскольку они имеют и находят свою поддержку в «коммунистической» партии, субсидируемой Москвой. Поэтому мы считаем более целесообразным продолжать воспитывать рабочих в Союзе безначальственных социалистов в анархо-синдикалистском духе и оставить отслаивание синдикалистской, независимой организации на усмотрение времени.

Это оказывает на нас сильное влияние, хотя нам особенно мешает обман «коммунистического» руководства, чьи материальные средства завоевания масс, естественно, больше, чем наши. Тем не менее, уже сегодня можно предвидеть, что наше семя расцветёт от разочарований, которые ожидают массы даже в псевдокоммунистической партии. Тем более что «коммунисты» вынуждены бросать в массы лозунги, которые, с одной стороны, сбивают с толку, а с другой – буквально насильно заставляют их видеть сквозь свою демагогию.

Сегодня, например, «коммунисты» уже полностью обанкротились своей фразой о завоевании власти рабочими советами. На сегодняшний день «коммунисты» исключили себя из рабочих советов, потому что не смогли совладать с реакционной возможностью формирования их состава. Пролетариат, таким образом, видит и чувствует, какой иллюзией является этот коммунистический «шибболет». Нечто подобное возникло и в области рабочих советов. Как утверждает марксист Отто Бауэр в своей последней работе «Австрийская революция», рабочие советы никогда не задумывались социал-демократами иначе как инструмент для поддержания «трудовой дисциплины» на рабочих местах, которая была необходима для «реставрации» капитализма, как для государства, так и для предпринимательства. Таким образом, рабочие советы в Австрии в значительной степени стали приспешниками врагов пролетариата, а главным лозунгом «коммунистов» сегодня является требование «созыва съезда рабочих советов» для всей страны, чтобы, как они утверждают, произвести переориентацию рабочего движения, что, конечно, является самой

пустой фразой, которую могли бы выполнить рабочие советы. К этой же категории явного отвращения рабочего класса от его революционных задач относится и требование «рабоче-крестьянского правительства», вновь занявшего место «диктатуры пролетариата», невзирая на то, что большинство рабочих и крестьян, особенно последних, в Австрии отсталые, консервативные и отнюдь не революционно-социалистические. Все эти бессмысленные, путанные лозунги «коммунистов», особенно ярко выраженные в их насильственной позиции, находят свои новые отклики и карикатурно изображаются в явно реакционных фашистских организациях, в их «жёлтых» рабочих объединениях, во вновь вооруженных бандах фронтовиков и крестьянской территориальной обороне.

Но и социал-демократия сотрясается в своих основах, в той мере, в какой они имеют пролетарскую природу. За исключением небольшого профсоюза сапожников, в котором объединились анархисты и коммунисты, между ним и профсоюзным движением ещё не произошло реального разрыва. Усилия коммунистов в этом направлении в Австрии совершенно тщетны, так как масса социал-демократических рабочих прекрасно понимает, что разница между их собственной партией и партией «коммунистов» – это только соперничество между их лидерами. Но что сотрясает социал-демократию до самых её основ, так это «пролетарская власть», которой она обладает, особенно в Вене, в муниципальном совете.

Как мы, анархо-синдикалисты, всегда подчёркивали, практика «завоевания политической власти» означает не что иное, как продолжение и восприятие капиталистическо-государственных интересов партийными лидерами, добравшимися до политической власти. В этом отношении социал-демократы, как представители интересов бизнеса в венском муниципальном совете и на различных муниципальных предприятиях, часто вступали в жесточайшие конфликты с категориями трудящихся, занятых на них. Поскольку большинство профсоюзных лидеров центральных организаций являются также политиками – депутатами национальных советов, местных советов, городских советов, – они представляют интересы буржуазного государства и капиталистов, что, естественно, противоречит экономическим классовым интересам пролетариата. Поскольку эти лидеры, будучи профсоюзными деятелями, стремятся как можно сильнее зажать членов профсоюзов в их требованиях к борьбе, часто возникают трения. Это также привело к непримиримому разрыву в венской социал-демократической организации трамвайных рабочих, в которой довольно сильное меньшинство (так называемая группа Бабицеца; Бабинец был организованным социал-демократом в течение многих лет) откололось и основало независимую организацию – что важно, она называла себя аполитичной организацией.

Борьба, которую вела центральное объединение против этой независимой организации, была насмешкой над любой солидарностью. Когда летом 1923-го года эта независимая организация начала пассивное сопротивление социал-демократическому муниципалитету Вены как своему работодателю, чтобы добиться повышения зарплаты, поскольку не хотела вести с ним переговоры, эта чисто экономическая акция передовых трамвайщиков была жестоко подавлена насилием, забастовками и угрозой их проведения – хотя и «демократически» замаскированной – теми же самыми политиками, против которых, собственно, и была направлена борьба! В конце концов, такие симптомы являются яркими признаками того, что социал-демократия, полностью овладевшая своей властью, по своей

природе является рабочим движением, находящимся в упадке.

Помимо Союза безначальственных социалистов, в Австрии также существует Лига противников военной службы, основанная последними и ведущая ярко выраженную антимилитаристскую пропаганду в духе самого радикального пацифизма. Лига также организует ежегодный митинг «Никогда больше не будет войны» каждое 29-го июля. Чтобы составить представление о его значимости, достаточно указать, что в антивоенной демонстрации 1923-го года, инициированной Лигой совместно с СБС, приняли участие следующие организации: Союз монахов, Лига толстовцев, Женский клуб, Общество воспитания для мира, вольнодумцы, Союз бывших участников войны, Земельный Венский союз ветеранов и выживших войны, «Всеобщее право на питание», Союз внутренней колонизации «Обратно к земле», группа работниц в Женской лиге за мир и свободу.

Из сказанного выше следует, что основой всего антимарксистского и независимого движения австрийского пролетариата является Союз безначальственных социалистов, состав которого преимущественно пролетарский, охватывающий все профессии и отрасли производства. Уже сегодня можно предвидеть, что введение пролетариата в заблуждение социал-демократией и псевдокоммунизмом не может продолжаться бесконечно. Для того чтобы следующий этап в развитии австрийского пролетариата был вольным и социалистическим, анархо-синдикалистским, СБС готовит австрийский пролетариат к этому моменту, прилагая все усилия, чтобы ускорить этот поворотный момент в обновлении и новых целях рабочего движения.

Антимилитаризм как тактика анархизма

1907, источник: [здесь](#)

Анархисты и широкое движение за мир

Как анархисты, т.е. мужчины и женщины, стремящиеся к безгосударственному состоянию общественного мира и усматривающие лишь в его основании рассвет истинного, человеческого культурного периода, мы радостно приветствуем то, что обсуждение так называемых проблем мира, разоружения, мира во всём мире получило международное значение и признание. Ибо мы усматриваем в этом случайное соглашение с нашими идеями и устремлениями. В то время как в стане друзей мира значительно разнятся мнения по поводу выполнимости, временных и материальных условий отказа от милитаризма, в среде анархистов было слышно лишь одно: *Безусловное отрицание милитаризма, безусловное стремление к его полному упразднению!* Мы, те, которых презирают и преследуют, кого властители и угнетатели обзывают «убийцами», «врагами общества», мы, который постоянно представляли единственной ведущей войну в обществе силой — мы всегда были и всегда будем в согласии с нашими идеалами человеческого счастья, человеческой свободы, апостолами мира; и если мы ведём войну, войну, к которой нас вынудили, то мы, в более глубоком смысле, делаем лишь то, что должны делать все так называемые друзья мира, но что делаем только мы с необходимой для этого энергией: мы, анархисты, ведём войну не против истинных апостолов мира, как это делает государство со всей его лживой жестокостью; мы ведём войну нашего просвещения лишь против разжигателей социальной и милитаристской войны. Мы боремся лишь против этой военной организации, в остальном же мы живём в мире со всеми людьми, если только они не соучаствуют в грабеже привилегий сегодняшнего общества и в тираническом учреждении внутри общества, в государстве.

Но мы не собираемся утаивать одного: наш антимилитаризм является *особым* антимилитаризмом и отличается от антимилитаризма буржуазии, насколько она тоже выступает против милитаризма, от антимилитаризма социал-демократии тем, что он обладает совершенно иным пониманием, отличной от их целью. Как мы сможем увидеть в ходе этого доклада, до сих пор существовало два вида антимилитаристского действия, и лишь анархисты добавили к этим данным и сегодня ещё фундаментальным формам третью, собственно, *анархистский антимилитаризм*.

Не-анархистское понимание антимилитаризма видит в войне жестокость, грубость и зверство человека и людей, существующие ради себя и посредством себя. Образ общества, основания нашей экономической жизни отступают, обделяются вниманием буржуазных любителей мира. Они мечтают о мире, как пророки религии мечтают о наступлении тысячелетнего царства. Они не видят в современном обществе и его экономических основаниях ничего создающего войну и в ней нуждающегося, и, более того, верят, что войны начинаются из-за отрицательных качеств того или иного индивида, той или иной категории индивидов. И если в последнем они не так уж и неправы, то всё равно остаётся вопрос — каковы мотивы и поводы, делающие ту или иную категорию людей шовинистами, осознанными или не осознанными, расчётливыми или слепыми потворниками войны.

У тех же друзей мира, которые причисляются к радикальным партиям общественной жизни — т.е. от либеральных течений до лево-либеральных социал-демократов — на первый план выступают другие моменты. Если буржуа обращается только против отдельных индивидов, в которых он видит шовинистов и разжигателей войны, то эти партии вполне признают экономические причины войны. Они понимают и её неизбежность и достаточно ясно видят лживость «миролюбивой» буржуазии. Вот только они принадлежат к стремящимся к власти и силе тенденциям в современной жизни государства. Таким образом, они не могут заметить причину зла в существующей форме государства. Смена государственной власти всегда означает лишь одно: правящий класс смещается и другой класс занимает место за штурвалом государственной власти. Каждая из этих стремящихся к власти партий в мыслях уже мнит себя добившейся правления. И тогда они хотят, в этом заключается их обещание, посредством правового регулирования чётко определённых условий войны, посредством реформирования армии и её усовершенствования, равно как и ограничением на оборонительные войны, придя к государственной власти как партия, упразднить современную войну.

В то время как буржуазные друзья войны, тем самым, ожидают упразднения войны от благих постановлений могущественных государственных мужей, вельмож и личностей — стоит только вспомнить ликование этих кругов о высказываниях русского одичавшего царя, — другие, радикальные и социал-демократические друзья мира и «антимилитаристы» лелеяли надежду на упразднение войны при помощи государственной машины, её механизма. Хотя они и не верят в возможность исправления актуальных представителей власти, но сами считают, что они лучше и будут действовать иначе, когда *они* придут к власти.

Это — лишь расширенная версия первого. Факт же тот, что оба направления в своих практических предложениях соприкасаются довольно близко и интимно. Третейские суды, международное право, голосования о возможности войны в народе или в законодательных учреждениях и т.п. — всё это предложения, которые признаются и теми, и другими. Буржуа, собственно, надеется на *способность к исправлению государственного мужа*, социал-демократ — давайте рассматривать его ради аргументации как политически крайнего радикала — надеется на *способность к исправлению государственной системы*. Более логичным, возможно, оказывается буржуа, ибо с одной стороны, инициатива отдельного человека способна повлиять на многое, с другой стороны — государственная система состоит из составляющих её людей. Нелогичны оба, т.к. оба придерживаются мнения, что

власть уничтожит проявление своей собственной сущности: *войну*.

В противоположность этому, анархисты предлагают совершенно иное мнение. Они не рассматривают войну как *особенное* чудовище общественной жизни; они знают, что она происходила в мировой истории при всех общественных формах государственного авторитета, и ищут тому причину. Их антимилитаризм занимается как вопросом самой войны, так и системой войну порождающей. В их универсальном понимании они приходят к выводам, которые, иногда, бывают параллельны мнениям остального движения за мир, но в своих целях приводят к совсем иным итогам.

Чтобы понять эти заключения, необходимо подробнее рассмотреть две проблемы: во-первых, возникновение войны, во-вторых, сам антимилитаризм, чьи передовые идеи лишь анархисты смогли сделать гармоническими целями и логичной тактикой.

Государство и милитаризм

Характерный момент войны проявляется в том, что некое сообщество людей нападает на другое сообщество или подвергается нападению с его стороны. Ясно, что нам, если мы вообще хотим понять, что такое война, нужно отправиться в эпоху примитивных условий человеческого существования. Лишь тогда, когда мы не дадим сбить себя с толку и впечатлиться многообразием и многосторонностью современных общественных учреждений и ограничимся тем, что ясно и отчётливо сможем наблюдать те немногочисленные моменты изменений, происходившие в примитивной организации человечества, мы сможем добиться правдоподобной картины нашей проблемы.

Война означает массовое насилие против массового насилия. Чтобы понять войну, нам необходимо попытаться изучить *истоки насильственного принципа*.

Антропологическая и биологические науки указали нам, с одной стороны, на борьбу за выживание, а история развития человека научила нас, что примитивный человек в своей ожесточённой борьбе с природными элементами, равно как и в преодолении нищеты, применял против своих соплеменников насилие; с этим мы, разумеется, можем согласиться. Но мы тут же добавим, что, как показал нам Кропоткин с восхитительной дальноркостью, борьба человека с человеком не составляет основной части его жизнедеятельности, и что, скорее, *взаимовыручка и объединение* среди примитивных людей были тем, что позволило им пройти через многочисленные стадии дикости и достичь оснований культурной жизни. Если бы жизнь примитивных людей состояла только из борьбы за существование против собственного рода, то недавний подъём и развитие ему никогда бы не удалось. От этого их предостережёт фактор солидарности, или, более точно: *необходимость солидарности*.

Но можно согласиться с тем, что тут и там происходили насильственные столкновения между людьми. Мы можем согласиться с наукой — она тоже не всегда объективна, что бывало даже, что несколько людей объединялись против одного или даже нескольких и давали волю в борьбе своим диким, варварским инстинктам, занимались жестокостями и убийствами. Но в общем и целом, тут нам придётся признать, что во всех этих случаях речь

шла о борьбе отдельных людей против других людей. Это было тем, что мы и сегодня ещё наблюдаем в форме дуэлей у «самых утончённых и благородных» представителей нации. Но такие обособленные столкновения ещё не являются войной, к тому же они были чрезвычайно редки и избегались в примитивном коммунизме человеческого рода.

Всем этим столкновениям не доставало определяющего признака войны: *организованной борьбы сообщества против сообщества, организованной из осознанно управляющего центра*. И этот признак возникает довольно поздно. Исторически он совпадает с возникновением организованной власти внутри социального сообщества: *государства*. Лишь вместе с ним возникает то, что мы называем *милитаризмом*, и лишь милитаризм вызывает и может вызывать: *войну*.

Сегодня это установленный, неопровержимо доказанный наукой факт, что государство зародилось при помощи насилия. Сильнейшие объединились и в образовании авторитета, всегда в последней инстанции опирающегося на физическое насилие, они присвоили себе привилегии и власть над средствами жизни сообщества. Сначала эти сильнейшие были священниками, теми, кто посеял в затуманенных умах примитивных людей ложные представления религии. Их сила заключалась поначалу более в их хитрости и уме, чем в физическом преобладании. Те, кто возвысился так до властителей над сообществом, уничтожили изначальную свободу и равенство между людьми, и укрепили свою власть, в первую очередь, тем, что разделяли добычу между собой. Опьянённые фальшивыми идеями метафизики, которым их учили священники — первые короли, люди приносили свои дары, которые со временем превратились в строго определённые подати и налоги.

Сутью всяческого авторитета обуславливается то, что он стремится к расширению власти, к увеличению сферы власти. Как в целях собственных материальных интересов, так и ради сохранения своей власти на подконтрольной территории. Последнее чрезвычайно важно и может происходить лишь, когда фиксированный на сверхъестественное человеческий ум постоянно находит себе новую пищу, когда авторитет, т.е. государство постоянно представляется ему в новых манифестациях сверхъестественного. Человеческий ум должен быть выдрессирован так, чтобы он рассматривал себя только как средство, как инструмент высших, неземных целей. Авторитет может сохраняться только, если он в состоянии представляться человеку как оснащённая неземными качествами, охраняемая божествами сила. Чтобы достичь этого и воспитать человека согласно своим материальным интересам и целям, из бывшего охотничьего вождя, призывавшего благоволение высших сил на свою группу, развился король, военный предводитель, проповедовавший и повелевавший проповедовать в ходе исторического развития такие понятия как родина, патриотизм и национализм. И поскольку всякая власть стремится к тому, чтобы восприниматься как единственно правомерная, и всегда жадно косится на богатства соседей, народ всегда учили, воспринимать его собственную властную династию, его функции и помощников как возникшие по воле сверхъестественной сущности. Так возникло и развивалось то суеверное поклонение авторитету, существующее и по сей день.

Это такое умственное состояние народа, которое даёт властителю единоличную власть над отдельными членами общества. И лишь так возникает то, что мы понимаем под войной. Сообщество обрело осознанно действующий центральный орган, государство. И точно так

же, как Библия пытается разбудить в уме невежи чувство благоговения перед богом тем, что она показывает его нам во всём его гневе и разрушительной страсти, так и земная власть прекрасно понимала, что с человеческим умом можно расправиться на долгий срок лишь тогда, когда он увидит авторитет в бесконечно возросшей власти и проявлении насилия. Лишь так стали возможными и могут объясняться тот фанатизм, то религиозное рвение, которые нам приходится видеть в шовинизме, там, где он всё ещё является подлинным. Война, в особенности война победоносная, и представление победы над врагом, освещает государство светом сводящей с ума славы; и таким образом, ведение войны — это та религиозно-мирская власть государства, которая служит его поддержке.

Ибо что такое, собственно, государство? Государство, собственно, есть ни что иное, как милитаризм *en miniature*. Милитаризм есть систематизированное вооружённое насилие; государство не существует, если оно не представляет насилия вовне и вовнутрь. Ещё жёстче проблему можно было бы представить так: милитаризм — это функциональное проявление принципа насилия; оным же является государство, т.к. это функциональное проявление не может свершиться без организационно первичного и демонстративно объявляющего войну порядка государственности. Посему милитаризм как организм общественной жизни — есть лишь увеличенное государство, т.к. власть государства представлена его вооружением. Таким образом, мы видим, насколько это смехотворно, насколько это обманчиво, когда современные государства говорят об «разоружении». Они прекрасно осознают, что это останется лишь фразой, ибо настоящее разоружение, т.е. преодоление милитаристского принципа было бы равнозначно самоубийству государственного принципа.

Демоническим в этом последнем принципе, его гениальным произведением как раз является воспроизведение милитаристского духа в самых широких слоях населения; и государству это удаётся только посредством пестования социальных, философских и религиозных заблуждений, которыми оправдывается только лишь его собственное существование. Отказаться от них, означало бы, между прочим, смерть милитаризма, а кроме того ещё и смерть государства.

Как видно, мы, анархисты, рассматривает этот вопрос весьма трезво и ясно. Поэтому наше мнение о сущности войны и столь отлично от мнения буржуазных любителей мира. Для них существует лишь *одна единственная* помеха в привычно защищаемой и лелеемой ими, в остальном, мировой гармонии: это сама война. И они считают, что могут упразднить её в рамках современного общества, а оное же сохранить в его существенных элементах. Это — довольно глупая иллюзия; она глупа там, где она честно провозглашается, и преступна там, где провозглашается в виде демагогии.

Мы, анархисты, имеем совершенно иной взгляд на сущность войны. Как гуманно настроенные люди мы её ненавидим, но мы в то же время знаем, что она в рамках сегодняшнего общественного (бес)порядка является ни чем иным, как увеличенным проявлением беспрерывно бушующей а малом борьбы отдельных индивидов и классов друг против друга. Этот конфликт вызывается закреплённой в праве эксплуатацией, которой владелец имущества подвергает лишённых имущества, угнетением всяческой попытки, всякого поползновения со стороны угнетённых отвоювать своё право на жизнь, упразднение

которого вызвано и поддерживается государством. Пока существуют голод и нищета, существует и борьба в том обществе, где беснуются эти фурии. А т.к. эксплуатация человека человеком очень часто приносит в жертву жизни бесконечно многих людей, это всего лишь вопрос сентиментальности — возмущаться против ведущейся на международной арене войны, но спокойно соглашаться с ведущейся в малом, но по объёму жертв зачастую куда более разорительной, войной.

Государство постоянно ведёт войну против неимущих. Эта партизанская война является зародышем войны между нациями. Два вида армий готовы сражаться против справедливых претензий рабочих, и они поступают так слишком часто: в сфере промышленности современное общество содержит экономическую резервную армию, в политической сфере — официальный милитаризм. И это тоже борьба между двумя сообществами: с одной стороны находится мир труда, с другой — государство с его солдатней и прочими элементами: полицией, шпионами, тюрьмами и палачами. И когда мы выше говорили, что государство ведёт непрерывную войну против неимущих, потому как более слабых, то тут мы снова видим массу аналогий с войной. Всякая война, в принципе, ни что иное, как нападение одной силы, считающей себя сильнее и способной подчинить себе других, на другую силу. Подобно тому, как в жизни современных государств милитаризм всегда властвует над невооружённым, т.е., естественно, более слабым, то и сама война является ни чем иным, как вооружённым выступлением переполненной жестокими, страшными инстинктами и побуждениями массы или народной толпы, подгоняемой расчётливо действующими на заднем плане социально-политическими силами, против более слабого народа или властной группы. Тем самым, война проявляет себя как насилие над очевидно более слабым; война, таким образом, является великой социально-политической трусостью государства.

* * *

Перейдём же теперь к рассмотрению милитаризма, как он сегодня существует, как он развивался в течение двух последних веков, ибо он в своей современной форме не старше этого.

Тибодье (Антуан Клер, 1765-1854) сообщает нам о следующем восклицании Наполеона, которое он произнёс во время заседания государственного совета: «Призыв — это самый ненавистный и отвратительный для семей закон, *хотя он, к сожалению, необходим для безопасности государства*». Эту самую безопасность государства, которая ни мало не заботится о ненавистном и отвратительном, а вместо этого спокойно преследует свои сугубо эгоистические цели, мы можем наблюдать на протяжении всей двухвековой истории милитаризма. Это — история великих государств, история государственного альянса против, в особенности в последнее столетие, восходящей буржуазии и пролетариата, история, чьи процессы могут происходить только на основе всё более усиливающейся, всё более концентрирующей военной силы, которая как раз достигла такого спрутообразного охватывания и поглощения человечества, что она ежегодно получает от этого самого человечества до 6 миллиардов крон на поддержание своих сухопутных и военно-морских сил.

Сегодня народам приходится платить по счетам за войны, и поэтому всякая война имеет своими последствиями ещё большую нагрузку и ещё более высокие налоги для несчастных народных масс. Современный милитаризм произошёл от народного ополчения, так называемой гражданской самообороны и института наёмничества. Последние были наиболее презируемыми народными группами, с них началась (дурная) слава средневековой войны. Существуют многочисленные различия между милитаризмом древности, скажем, Афин, и милитаризмом средневековья и нового времени. Прежде всего, народное ополчение — это демократическое учреждение, как раз потому, что в нём нет места для той заслоняющей собой всё остальное личности принимающего решения тирана, единолично решающего о мире и войне. Народное ополчение древности, а также гражданская самооборона Средневековья были, несомненно, милитаризмами, но демократическими. Люди оборонялись или нападали, особенно в древности, для того, чтобы защитить или попытаться получить *свою собственную*, материальную выгоду. Но, в остальном, и это необходимо решительно подчеркнуть, народное ополчение (которое ещё называется милицией) является *такой же поработщающей, враждебной к культуре, обладающей всеми отрицательными чертами современного милитаризма, постоянной армии, силой*, как и он сам. Т.к. — и это проявление честности, которому мы содействуем этим разоблачением! — на самом деле, как видно выше, между народным ополчением и современной постоянной армией существует лишь различие в форме. Там, где в последнем примере есть только один принимающий решения человек, в народном ополчении существует *не одна* личность, а *целый государственный институт личностей*. Результат тот же, ибо сохранение власти и вооружения, а также всеобщего воинственного воспитания уже достаточны, чтобы заставить народ быть воинственным, что затем используется государством, представителем интересов имущих. Кроме этого существенных различий между народным ополчением и постоянной армией нет. Мы тут постоянно говорим об ополчении при монархии или республике. Показательным для близорукости социал-демократии в её смехотворном энтузиазме по созданию народного ополчения, кстати, служит то, что современный милитаризм развился из средневекового, и произошло это совершенно логическим путём, т.к. последнему ввиду увеличения государственной централизации и сфер влияния просто «приделали» голову. Постоянная армия современного милитаризма суть просто снабжённое головой деспотизма народное ополчение.

До самого 17-го века князья и вообще любые правители сами оплачивали военные расходы. Если им не хотелось запускать руку в кошелек поглубже, им приходилось прибегать к грабежу. Но война ещё была их делом и велась ради них, и за ведение войны им приходилось дорого платить гражданам и наёмникам. Тогда ещё не возникло той отвратительной иронии, в *этом* предприятии обходиться с народом *по-коммунистически* и законным путём заставить народ расплачиваться по счетам, выставляемым войной. В этом смысле новое время было новаторским. И это была — тогда уже мрачное предвестие, недобрый знак о роли, которую этому имени предстояло сыграть в будущих судьбах народов всей Европы — Пруссия, которая могла позволить себе ввести и применить этот тартюфский принцип, эту дьявольскую методу использовать жизнь народов, их имущество и богатство в интересах власти имущих. Утверждается, что Пруссия при этом имела перед глазами благородный и достойный пример *Турции*, чья огромная янычарская казарма в Константинополе оказывала вдохновляющее воздействие. Таким образом, мы можем причислить к прародителям европейского милитаризма и ещё одного азиатского

происхождения. – «Закон права на всеобщее изнасилование», как верно определяло высказывание одного известного мыслителя современное учреждение милитаризма, его всеобщее принуждение к службе, является позором всяческого этического и гуманного принципа человечности. У милитаризма нет ни каких рациональных аргументов в своё оправдание или обоснование, он — это то крупномасштабное насильственное преступление, которое в более мелком масштабе кажется нам ненавистным и достойным презрения, и нам нужно научиться бороться с ним и в крупных масштабах. Ни кто иной, как Геккель сказал: молодые, цветущие, сильные мужчины вырываются по достижению определённого возраста из своих семей и переводятся в состояние безвольного, самого унижительного подчинения. Это состояние называется милитаризмом. Людям показывается, как оно могут убивать и уничтожать своих соседей, им преподают методику разрушения того, что можно было бы назвать плодами продуктивного труда, их учат хладнокровно рассматривать опустошение цветущих ландшафтов, уничтожение счастья неисчислимых тысяч семей как нечто само собой разумеющееся, что обнаруживает свою мотивацию и апологетику в слове «война». Из людей делают бешеных бестий на случай войны, их приучают к этой деятельности ещё во время мира, и солдат не должен отказываться от выполнения кажущегося ему морально отвратительного поступка. С того момента, когда он бы так поступил, он стал бы *плохим солдатом*, и это факт, что благодаря этой системе военной муштры миллионы людей страдают странной болезнью: её называют безволием и безразличием; и все эти миллионы являются не *плохими*, а хорошими солдатами.

Солдат ведь совсем другой человек, чем гражданский. Новое достоинство возникает для него из ношения другой одежды, которая, как ему рассказывают, служит отличительным знаком защиты отечества, домашнего очага, самых высоких «ценностей нации» от соседней страны; и по ту сторону границы в головы вбивается то же самое. Так, солдат прекращает быть человеком среди других людей; он становится солдатом среди людей, т.е. насильственной сущностью, признающей лишь насилие в роли регулятора межчеловеческих отношений.

Ради чего все гекатомбы жизней, счастья, мира, культуры, которые требует война? Нам говорят о патриотизме и национальном чувстве. Но всё это лишь лицемерные фразы, т. к. того, что называется «чистой нацией», не существует. Кроме того, мы ежедневно можем наблюдать, что государство требует национализма и патриотизма только от народа; государство и капитал давно стали интернациональными и интернационалистическими. Ведь государство изначально было прототипом международного слияния. Нет никакого национального государства, есть мир государств, которые, рассматривая массы как инструменты своей жажды завоеваний, разделяют между собой земли и их богатства в кровавой вражде и стремятся заставить угнетённые народы поверить, что они должны рассматривать себя как чётко разделённые, разграниченные группы от всех прочих народов и племён — и если надо, сражаться против них!

Война — это убийство по приказу. Мы можем понять и объяснить убийство, вызванное убеждением, страстью, патологическими моментами, короче, тем, что вызвано возобладавшими над человеком эмоциями. Убийство, задуманное тем, кто находится на безопасном расстоянии, исполненное индивидами, которые, подчиняясь лишь принуждению, должны были убить, направленное против индивидов, не причинивших

ведущему войну народу ни какого вреда, на пользу лишь узко эгоистическим интересам власть имущих — такое убийство анархисты проклинают и осуждают самым жёстким образом. Изю всех сил они зывают:

Против хозяев войны! Война тем, кто хочет купаться в народной крови и для кого она является ремеслом и способом обогащения! В этом и состоит, в общем, антимилитаризм анархистов!

[...]

Антимилитаризм как тактика анархизма

Выше мы познакомились с общей идеей и движением антимилитаризма. Мы изучили историческое возникновение милитаризма, а также противостоящих ему тенденций, рассмотрели различные тактические средства всех движений за мир и пришли теперь к подведению итогов нашего исследования.

На тике этого исследования необходимо показать, действительно ли анархисты представляют единственно последовательный антимилитаризм.

Как анархисты, мы понимаем милитаризм не как обособленное явление государственно-капиталистической жизни, а как основное проявление силы всей этой жизненной системы государственного и экономического насилия. Мы, конечно, направляем наши нападки, прежде всего на милитаризм, когда мы говорим об антимилитаристских акциях, но это лишь потому, что он самым явным образом демонстрирует насильственный принцип как основной мотив всех жизненных проявлений этого общества. В остальном же наш антимилитаризм *универсален*, подобно тому, как, парафразируя Прудона, универсален наш атеизм. Как анархистские антимилитаристы мы боремся не только с постоянной армией, но и со всей организацией функций насилия. Мы боремся против всякого вооружённого насилия в актуальной общественной жизни, т.е. и против жандармерии, постоянной армии надзирателей и тюремщиков; мы боремся против армии юстиции: против судей, государственных обвинителей, т.к. все их функции основаны на насилии — мы напомним лишь о палаче! Короче говоря, мы боремся против *общей организации государства*, которое является ни чем иным, как главой вооружённого до зубов милитаризма. – В этой прямой, непосредственной просвещенческой борьбе и в её чисто умственном руководстве находимся мы, анархисты. Поэтому не следует рассматривать милитаризм и его действия только с точки зрения сопротивления и наступления, как это делает социал-демократия; милитаризм, более того, – это современное общество и все те принципы, на которых оно покоится.

Мы — антипатриоты, т.к. мы не признаём власть, происходящую из военного произвола и насилия, границы, прочерченные национальными государствами. Все те, кто проживает по ту сторону так называемых границ, и вынуждены работать и подвергаться эксплуатации,

кто угнетается, все они — наши братья и соратники в борьбе. Существует два мира, и они недвижимо и непримиримо отделены друг от друга: мир порабощённого труда и мир позорно действующей тирании и эксплуатации. Наша родина не определяется землёй нашего рождения, именем какой-либо страны, языком какой-либо расы или нации; наша родина, дабы расширить высказывание Данте: это мир нищеты, бедствия и страдания. Избавить её от всего того унижительного — это единственная война, которую мы признаём. Боевое воодушевление в этой борьбе — вот наш патриотизм.

Если мы обратимся к практическим средствам борьбы, которыми мы обладаем как антимилитаристские анархисты, нам в глаза бросаются два направления действий. Это — средства борьбы, которые, с одной стороны, признаются французским революционным профсоюзным движением, а, с другой стороны, приняты *Международной антивоенной ассоциацией*. Они, например, следующие:

Тактика французских революционных профсоюзов заключается в:

- а) подаянии солдатам и общей солидарности с солдатами и (призванными на службу) товарищами;
- б) публичной пропаганде просвещенческого толка.

Резолюции антивоенного Интернационала включают в себя:

- а) признание выше обозначенной тактики французского профсоюзного движения;
- б) резолюцию Жироля (Jean Girault, Франция), призывающая профсоюзы основывать молодёжные организации в целях антимилитаристской пропаганды;
- в) всеобщая стачка как средство борьбы с войной (резолюция товарища Нивьенхёйса);
- г) голландская резолюция, требующая пропаганды среди матерей подрастающих детей и самих детей;
- д) индивидуальная инициатива и личная ответственность.

Мы прекрасно понимаем, что перед нами ещё долгий путь, пока трудящиеся всех стран не смогут ясно понять, принять и последовательно претворить в жизни идеи антимилитаризма и антипатриотизма, т.е. анархистского антимилитаризма. Невежество всё ещё царит в головах пролетариата, и враги пролетариата, равно как и его *фальшивые* друзья — в первую очередь, политические выскочки от социал-демократии — ни в коем случае не заинтересованы в том, чтобы действительно говорить с пролетариатом начистоту. Но это не должно помешать нам, ни как отдельным индивидам, ни нашим группам выполнять повеление нашей совести и повсюду пропагандировать антимилитаристские принципы мира и свободы.

* * *

Весной 1907-го года мы наблюдали в районе Лондона Вулвиче странную ситуацию. Тамошние рабочие арсенального завода постепенно увольнялись английским государством, т.к. у него больше не находилось для них работы. Тогда рабочие начали созывать огромные собрания и обратились против английского правительства, громко протестуя против увольнений и требуя работы. Эта ситуация ставит нас лицом к лицу с чрезвычайно важной проблемой:

Как должны вести себя анархистские антимилитаристы по отношению к тем рабочим, которые создают амуницию и прочие инструменты убийства для войны?

Ответить на этот вопрос нелегко. Но не нужно забывать, что война, среди прочего, потому так крепко и глубоко коренится в современной общественной жизни, что у широких кругов населения есть материальный, обогатительный интерес в её ведении. Шовинизм ведь — весьма прибыльное и рентабельное дело. (...)

В данном случае нам необходимо принципиально и вне парламента высказаться против наращивания производства орудий убийства. Такое наращивание производства служит непрямой провокацией войны. Мы должны объяснить рабочим, что это за невыносимый позор работать в той отрасли, которая, как видно, существует только ради создания тех приспособлений, которыми будут убивать их братьев. Мы должны сеять отвращение и презрение к подобной проституции человеческой рабочей силы, её использованию в подобных целях.

* * *

В самой природе рассматриваемого нами вопроса заключается, что мы не можем провозгласить определённые, почти что абсолютные максимы для действий каждого антимилитаристски настроенного анархиста. Как свобода отдельной личности, так и образ действий антимилитаризма это совершенно исключают. Более чем любая другая тактика массовой борьбы, антимилитаризм зависит в своих проявлениях от отдельной личности. И поэтому мы не имеем тут нашей целью предписывать какие-либо методы; нашей целью тут является показать читателям, придерживающихся любых направлений антимилитаризма, позиции и аргументы анархистского антимилитаризма, т. к. мы считаем, что антимилитаризм являет собой верхушку философского здания анархизма, его идеальной цели.

Те же, кто внимательно изучил резолюцию штутгартского социал-демократического конгресса по милитаризму, знают, что эта резолюция совершенно пуста, она колеблется туда и сюда. Слова Фольмара на съезде партии в Эссене, что было бы неправильным утверждать, что эта резолюция, якобы, «дала социал-демократии значительный толчок вперёд», совершенно верны. И в самом деле, было бы более чем наивно предполагать, что какая-либо формулировка этой резолюции, *якобы*, даёт «значительный толчок» и опровергает Фольмара. Уже только по той одной причине, что социал-демократия в интернациональном плане во всех антимилитаристских вопросах занимает *совершенно отличную от анархистской* позицию.

Вот это важно, вот это надо подчеркнуть!

В этом заключается определённая трагичная правда, когда Бебель, Фольмар и т.д. выступают против французского антимилитаризма с тем утверждением, что его пропаганда в Германии означала бы «конец немецкой социал-демократии». Трагичная потому, что простыми, трезвыми словами высказывается, что немецкий «революционный» социализм после более сорока лет социал-демократии всё ещё одет в короткие штанишки. Иначе ни

один закон мира не был бы в состоянии сломить его, если бы у него действительно было три миллиона последователей! И если это, кроме того, самосознание жалкой слабости, то надо отдать социал-демократии должное и согласиться с тем, что она не предпринимает ничего невозможного и последовательно распространяет идеи антимилитаризма в рамках *принципиального убеждения*. Это надо признать — *если последнее, конечно, верно* — т. к. и немецкие анархисты, точно так же как и мы в Австрии, не в состоянии действовать в наших общественных и других акциях так же, как наши французские товарищи.

Но в этом-то и заключается главный вопрос, всё самоуничужение социал-демократии и тактические различия между её и анархистским антимилитаризмом.

Тем не менее, от трехмиллионной армии можно было бы, *прежде всего*, требовать *действий*, и если мы этого не делаем, то мы не осуждаем социал-демократию из-за этого отсутствия действий. Они могут произойти и позже. Но социал-демократия *предаёт* истинные интересы пролетариата, в первую очередь, потому, что она не только не занимается своей первостепенной задачей *принципиальной и всеобъемлющей пропаганды дела антимилитаризма*, но и пытается очернить, высмеять, задушить каждую попытку этой пропаганды. Учения её новейших произведений о государстве, милитаризме, военщине, войне, солдатских обязанностях и т.п., являются исключительно буржуазно-либеральными и не имеют с фундаментальными принципами социализма ничего общего; а каково учение, таковы и поступки.

Тут мы подходим к фундаментальному различию между социал-демократическим и анархистским антимилитаризмом. Вполне возможно, что социал-демократия однажды ещё воспользуется некоторыми методами действия анархистского антимилитаризма подобно тому, как она воспользовалась всеобщей стачкой из арсенала анархизма, когда она была к этому вынуждена. Но тем самым она всё ещё не стала идентичной с анархистским антимилитаризмом.

Наш антимилитаризм потому так значительно отличается от любого другого, что для него важно, прежде всего — и даже прежде самих действий! — *развернуть принципиально верную, ясную, логическую и недвусмысленную пропаганду в смысле социальной критике насилия.* Анархистский антимилитаризм, с точки зрения принципов, демонстрирует грандиозное единство, во всех выше означенных вопросах о государстве, милитаризме и т.п. для него не существует теоретического раздора, его пропаганда идентична с его целью: *упразднением государственности, а, следовательно, власти, и, таким образом, самоупразднение всякой насильственной организации.*

Эта пропаганда идей важна для анархистов. Ибо эти анархистско-антимилитаристские идеи сами находят себе применение, тактические средства, которые зачастую превосходят средства, обсуждавшиеся нами выше, и являются такими разнообразными, что их невозможно обобщить. Они обосновываются гуманным и свободолюбивым духом анархизма, вдохновляющем *этих* антимилитаристов; и подобно раскрытому секрету, эти действия вольного духа повсюду, и могут подобно фигуре революции у Фрейлиграта заявить с гордо поднятой головой, наперекор всем многочисленным преследованиям, угнетению и заточению в тюрьмы: «Я был, я есть, я буду!» Они невероятны, и они исчезнут лишь с

исчезновением любого рода государственного милитаризма.

* * *

Нам остаётся лишь обозначить нашу позицию касательно христианских антимилитаристов и анархистов, прежде чем мы подойдём к концу. Мы опираемся тут, прежде всего, на выдающийся, сконденсированный в программу труд *Германа Ветцеля «Отказ от службы в армии и осуждение войны и призывной службы в истории человечества»* (1905).

Наша позиция в отношении христианских антимилитаристов и толстовцев в этом вопросе отличается от их позиций лишь тактических принципиальных моментах, но не на практике и, вообще, не в повседневной деятельности. Основное различие: христианские антимилитаристы признают начальство, пока оно не приказывает им «ничего грешного». Их отношение к властям хотя и является принципиально антагонистическим, но на практике — пассивно отрицающим и, тем не менее, радостно подчиняющимся пока власти не вступают в прямой конфликт с их религиозным мировоззрением, т. к. они видят в страдании очищение человека и сообщества. Мы же, напротив, являемся принципиальными врагами *любых* проявлений государственности, и реагируем на всякое её действие протестом. Наши устремления направлены на то, чтобы убедить всё большее число людей в несправедливой сущности государства, и приложить все усилия к тому, чтобы всё большее число людей осознало его бесполезности и вредность и лишило его симпатий и поддержки во всех вопросах социальной жизни.

Это — если угодно, принципиально-тактическое различие в теории (а иногда и практическое) между нами, анархистами, и христианскими антимилитаристами и христианскими анархистами, обоснованное нашими научными познаниями о природе и обществе.

* * *

Постепенное выдавливание государственной власти из общественной жизни, постепенная отмена её насильственных функций и лишение её человеческого материала посредством рационального просвещения, сопротивление всем её насильственным действиям — вот задача анархистских антимилитаристов.

Для анархиста, таким образом, антимилитаризм служит политической тактикой, ибо он означает в социальном смысле *благородное самоперевоспитание* в безвластный индивид, в безвластное сообщество. С исчезновением этой цитадели государственного принципа — милитаризма — исчезнет из жизни народов, из человеческого общества и сам этот принцип. Насилие как постоянное учреждение будет изгнано из области человеческого действия, на его место заступит человеческий разум, стремящийся к мирному разрешению конфликтов и свободному реформированию сообществ, к экономической возможности этого изменения, к упразднению всех государственно-национальных границ, к разрешению всех спорных вопросов в федеральных, негосударственных, т.е. Автономных объединениях человеческих групп. Антимилитаризм, таким образом, является тактическим методом анархизма, т.к. он непосредственно и напрямую вводит нас в фазу борьбы за свободное общество будущего.

[...]

Индивид, государство и общество

1909, источник: [здесь](#). Немногие из теоретиков анархизма вызывали при жизни такие споры среди товарищей по движению, как Пьер Рамус (или Рамю). Все зависело от точки зрения, политической позиции и личного отношения. Одни считали его слишком резким и полемичным, догматичным и бескомпромиссным. Для других он был захватывающей личностью, неутомимым пропагандистом, вызывавшем восхищение...

Что я понимаю под словом «индивидуализм»? Я понимаю под ним взгляд, который утверждает социальные права и обязанности человека в соответствии с его собственной природой и во всех этих пунктах не опирается на государство. Индивидуализм учит преобладающему значению личности; и хотя он полностью признает естественность и необходимость социальной жизни для человека, он в то же время утверждает, что любая форма социальной организации должна быть лишь средством для достижения целей личности, поскольку во всех случаях человек, отдельная личность, является составной частью социального организма.

Как только мы пытаемся дать столь же чёткое определение демократического государственного социализма, мы сталкиваемся с многочисленными трудностями. Этот социализм, например, гораздо чаще существует как фрагмент политики и практической тенденции, чем как интеллектуальная концепция и стремление.

В целом он проявляется как филантропическая цель, а не как философское убеждение. У политического государственного социализма много учеников, а у интеллектуального мира социализма – лишь несколько последователей. Возьмём, к примеру, вопрос об образовании, который так часто занимал парламентские органы всех стран, или проблему пенсионного страхования, которая сейчас волнует нас в Австрии. И то, и другое характерно для «парламентского социализма» – это железная тенденция того, что ложно называется социальным законодательством, но на самом деле является «государственной монополией функций». Это тенденция оттеснить индивидуальное действие и ответственность, подавить инициативу личности через государство, сделать государство господствующим над личностью, облечь первое в такую абсолютную привилегию прав, что права личности становятся чисто временными и условными, фактически, перед лицом власти государства над жизнью личности, полностью исчезают. И все это государство может сделать только с помощью средств, которые оно извлекает в виде налогов из своих подданных.

Возможно, сами того не осознавая, социал-демократы, стремящиеся ввести и расширить функциональную власть государства даже в самых мелких и крупных делах человека, являются верными последователями старого и испытанного философа абсолютизма Томаса

Гоббса; новое издание его главного труда под названием «Левиафан» стало для них самой красноречивой апологией и интеллектуальным оправданием. Государственная монополия на функции – вот к чему они стремятся и на что, по их мнению, способно современное государство.

Но что на самом деле представляет собой государство? Мы понимаем под ним министерство, парламент, различные организации законодательной и исполнительной власти, через которые государство выражает себя. Под государственной монополией функций я понимаю ту тенденцию, которая всеми имеющимися в ее распоряжении средствами стремится превратить само государство в своего рода «провидение для всех». Эта тенденция находит своё естественное воплощение в постоянном расширении полномочий государства, из чего опять-таки вытекает, что оно может подчинить себе все индивидуальные силы предприятия всемогуществом своего существа, так что каждая индивидуальная обязанность, каждое индивидуальное право будут стоять лишь на втором месте, а его всеобъемлющая власть – на первом и главном.

Обязанности могут иметь какую-либо цель, какой-либо смысл, только если они относятся к людям, личностям, но перестают быть обязанностями, как только они имеют отношение только к безличным объектам и институтам. Таким образом, когда мы говорим об обязанностях по отношению к государству, мы всегда предполагаем, что государство как государство обладает личностной сущностью, квазиперсональным характером. Это неверно. Неверно даже, если мы хотим предположить, что государство как «личность» обладает той характеристикой, которая присуща народу, которым оно правит. Ведь государство не является ни органической составляющей народа, ни синтетической формой, под влиянием которой существование индивидов обретает высшее единство и гармонию.

Невозможно представить себе идеальное общество, личности и институты которого настолько совершенны, что представлены в виде целостного комплекса в нескольких гигантских идеальных личностях, чьи индивидуальности на самом деле являются лишь выражением остальной суммы личностей. Такого общества, однако, в настоящее время не существует, а если бы оно и существовало, то могло бы быть обществом, но никак не государством.

В повседневном общении мы используем слова «государство» и «общество» так, как будто это одно и то же. Но мы должны знать: это не одно и то же, хотя обычно мы хотим не замечать разницы между ними. Мы говорим об «обязанностях народа», когда подразумеваем «обязанности государства», о «богатстве народа», когда гораздо правильнее было бы сказать «богатство государства». Молчаливо предполагается, что государство является естественным исполнителем «воли народа», что все, что должен делать народ, может делать только народ, должно и может при любых обстоятельствах делать только государство.

Эта путаница – благодатная почва для многих заблуждений; пока она существует, основы индивидуальной свободы не проясняются и не понимаются. И государство, и народ – это формы социальной организации. Но если государство по сути своей является политическим органом, то народ – нет. Народ – это прежде всего этическое объединение. Народ тоже

может быть политическим органом, но эта форма существования не является конституирующим качеством народа и не выражает его характер. Политическое тело – это организация, созданная в соответствии с принципами власти с целью господства.

Напротив, объединение людей в народ – это не инструмент политического господства, а этическая и психологическая необходимость. Он существует как единство – в той мере, в какой народ является таковым, – не потому, что подчиняется насильственной власти, государству, а благодаря сплочённости общинной жизни, общности интересов, симпатий и устремлений.

Национальное единство политического тела может быть и было навязано народу силой через определенные исторические процессы, навязано извне; единство народа – это всегда вопрос внутренности, интернализации.

Народ, общество – это коллектив, символизированная концепция индивида. Социальная жизнь не существует вне индивидов; она возникает только в их совместной деятельности и способах существования. Таким образом, общество – это определенная форма человеческого объединения индивидов в семьи, союзы друзей и ремесла, а также интеллектуальные ассоциации, и существует оно лишь постольку, поскольку индивиды объединяются и образуют общество посредством своего объединения, т. е. союза.

Более того: каждый из связанных таким образом индивидов – это личность, обладающая этическими и другими чертами характера, определенными целями, которые в своей совокупности приводят к формированию автономной личности и наделяют её индивидуальными правами, которые должны оставаться неприкосновенными. Его соратники – равные ему товарищи, а различные группы и объединения, которые они образуют и создают, существуют только через них, в них, без них они не имеют ни существования, ни возможности.

Таким образом, мы видим, что общество всегда является лишь результатом, что оно зависит от всех индивидуальных существований, подчиняясь целям, которые в уважительной последовательности являются целями индивида. В этом подчинении общества и его жизни целям индивида, которое всегда ведет к образованию социальных групп, заключается этическая связь, которая делает общество этическим союзом индивидов.

Как таковое, и именно в той степени, в какой общество действительно достигло стадии подлинно этического сообщества, основанного на индивидуальной свободе, оно позволяет проявляться индивидуальным различиям в характере, становясь средством самореализации и самовыражения личности.

А теперь – что такое государство? Государство – это составная форма политического организма. Его характеристики выражаются в законодательстве, а главным оружием является сила. Несколько грубовато, но тем более точно будет сказать, что почти все государства появились в рамках исторического контроля таким образом, что благодаря историческим случайностям и событиям они возникли как властные группировки над «естественными» социальными группами, сформировавшимися благодаря общности труда и

симпатий. Во многих случаях – например, при деспотизме в эпоху итальянского Возрождения – становился очевидным чисто внешний характер государственной организации, никак не связанный с естественной сущностью народа.

Не может быть ничего глупее представления, возникшего также в рабочем движении, о том, что качество считаться гражданином означает больше свободы и прав. Государство – это кооперация сил, которая обращается с различными социальными классами в зависимости от их полезности для его интересов и, прежде всего, от их силы. Последних оно признает лишь до тех пор, пока они не представляют угрозы для его существования. Таким образом, становясь гражданином или будучи им, свободный человек присоединяется к уже существующей организации силы, которая признает его гражданином лишь постольку, поскольку он подчиняется ей и вписывается в неё.

Для рабочих и их представителей, которые так часто наивно и невежественно хвастаются тем, что они сегодня граждане, это «право» имеет тем меньше смысла и содержания, что государство допускает участие в своей деятельности только в той мере, в какой участники обладают экономической властью, т.е. богатством, чего нельзя сказать о рабочем классе. Поэтому признание рабочего гражданином означает его непризнание в качестве революционного социалиста и юридическое подчинение псевдоправам и псевдосвободам существующего насильственного рабства.

Современное естествознание уже давно опровергло старое суеверие о том, что в человеке есть два разных элемента – эгоистический и альтруистический. Каждый человек – сам по себе, отдельная личность, и как Я он стремится утвердить себя в борьбе за существование. Однако было бы совершенно неправильно противопоставлять эгоизм и альтруизм на основании этого принципа. Прежде всего потому, что ни один человек не может жить в одиночестве, изолированно для себя, не становясь кретином. Поэтому общество, объединение – необходимость для каждого человека. Именно его эгоизм заставляет его устанавливать социальные отношения. Теперь эти отношения должны быть такими, чтобы всем людям было дано реализовать свою личность в соответствии с присущими им склонностями. Только теперь духовно и этически развитый эгоизм проявляется как так называемый альтруизм.

С точки зрения эгоистического Я, взаимные отношения между людьми должны быть такими, чтобы всем людям была предоставлена и гарантирована возможность их индивидуальной самореализации. Эгоизм и альтруизм оказываются едиными, развитыми духовными инстинктами: социально активный эгоизм – альтруизм, оба не противоположности, а деятельность одного и того же жизненного инстинкта в разных сферах. Эгоизм занимается прежде всего своими личными делами, а альтруизм – это эгоизм, действующий в социальной сфере и зависящий от неё.

Кто-то возразит, что эгоизм в рамках существующего общества принимает весьма отвратительные формы и расцветает. Конечно, мы имеем в виду только капиталистическую эксплуатацию и господство. Но никогда не следует забывать, что этот эгоизм искусственно ограничивается низшей сферой деятельности только для индивида, поскольку организация социальных институтов такова, что каждый человек не находит своего Я в рамках

социальной ассоциации, но должен продвигать своё эго за счёт последней, если он вообще способен достичь последней цели.

Так что не эгоизм виноват в сложившихся социальных условиях; напротив, именно эти социальные условия препятствуют развитию эгоистического инстинкта в альтруистическое духовное осознание того, что благо всех гарантирует и благо отдельного человека.

Точно так же обстоит дело и с социализмом. Что же на самом деле означает социализм? Это слово – переходная форма для социального и социализированного. Но где же может существовать общество без индивида? И поскольку невозможно предположить, что социализм, социальное, стремится убить личность, то есть фундаментальные элементы её существования, то социализм есть не что иное, как то состояние общества, в котором личность может свободно развиваться и разворачиваться в материальном плане. Это возможно только в состоянии без социального господства.

Таким образом, видно, что название «анархизм-социализм» способно выразить лишь всю цель усилий всех людей, которые действительно борются за свободу. Слово «социализм» означает только социальный принцип и совершенно не затрагивает личность; так же, как это происходит с современной социал-демократией, для которой социализм не является социальным выражением индивидуальной свободы, но которая помещает социализм в смиренную рубашку демократии и поэтому должна ненавидеть и стремиться искоренить все индивидуальное в жизни.

Но исторически индивидуализм и общество или социализм также не являются противоположностями. Французский социалист Пьер Леру, конечно, хотел видеть и слышать слово «социализм» в противопоставлении индивидуализму. Но он имел в виду лишь принцип сегодняшнего эксплуататорского индивидуализма, который не только не имеет ничего общего с идеей подлинной свободы личности, но и подавляет её.

В остальном же настоящие мыслители и основатели социализма никогда не устраняли и не отвергали индивидуализм; они всегда очень высоко ценили принцип индивидуальной свободы. Автор этого эссе лишь напоминает нам о французских социалистах Морелли, Мабли, Фурье, сен-симонистах, Кабе, Луи Бланке, которые развивали свои социалистические идеи на основе индивидуалистических идей Великой революции; достаточно вспомнить великого английского социалиста Роберта Оуэна и его ученика Томпсона, которые сформулировали теорию прибавочной стоимости и эксплуатации ещё в 1824-м году – до Маркса – и которые во всех своих социалистических теориях были тесно связаны с философом индивидуализма Джереми Бентамом.

Ведь политический прогресс движется в том направлении, которое возвращает народу функции, заимствованные государством. Ограничительная, ослабляющая сила этого прогресса становится средством национальной концепции жизни, которая, как государство, постоянно всё более вытесняется, подчиняется его этическим влияниям, которые, в свою очередь, определяют жизнь общества вплоть до высших целей его развития: безгосударственности, анархии.

Таким образом, в настоящем мы имеем два чётких, ясно ощутимых течения и стремления. С одной стороны, мы имеем непрерывно растущую, побеждающую и расширяющуюся тенденцию, которая находит своё равновесие и реализацию в абсолютно равной свободе для всех – в свободной ассоциации и кооперации свободных индивидов, объединённых взаимной симпатией, равными интересами и работой. С другой стороны, мы видим государственную машину, карающую и навязывающую законы индивидам, конечным аргументом которой является насилие, принуждение. Только вытеснив второе направление первым, можно достичь конечных целей общественной жизни: идеала личной свободы, дополненного братской социальной жизнью.

Ни одна нация еще не стала такой, какой она должна быть в соответствии с её природой как этического организма. Психологические узы социального единства – то, что Карлайл называл «органическими волокнами», – всё ещё несовершенны повсюду, как внешне, так и внутренне. Насилие всё ещё преобладает в общественной жизни, которая считается невозможной без него. Но это обстоятельство вытекает из самого этого несовершенства; и в том самом случае, когда оно преодолевается, то есть когда люди реализуют идеал истинного братства, когда устанавливается подлинная общность жизни в рамках общества, возможность насилия исчезает.

На этапе идеального совершенствования человеческого общества – когда характер народа как этического звена стал бы реальностью для всех – нет места, нет возможности для авторитарного правления и законов. В той же пропорции, что и развитие и прогресс общества, власть государства будет становиться все более узкой, все меньшей и меньшей.

Его место в конце концов полностью заполнит свободная коммунистическая кооперативная система, объединяющая людей на основе их психологического единства и сплочённости.

Ленин и парламентаризм

1920, источник: [здесь](#). Перевод с немецкого. Опубликовано в «Erkenntnis und Befreiung», Nr. 42, 43 (1920). <https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/pierre-ramus/6812-pierre-ramus-lenin-und-der-parlamentarismus>.

I.

В письме к австрийским «коммунистам» Ленин настоятельно советовал им участвовать в антиреволюционном, обманчивом для народа и чисто буржуазном парламентаризме, в выборах в Национальное собрание. Это завершает для нас картину, которую мы всегда о нём рисовали.

Если мы уже знали из его прошлого, что Ленин, будучи ортодоксальным марксистом, не является искренним социалистом или коммунистом, то его нынешняя позиция по парламентаризму также стала доказательством нашего давнего утверждения: Ленин не является и честным революционером; он всего лишь демагогический политик, единственной заботой которого является завоевание власти его партией, амбициозной целью которой является международное признание его как Далай-ламы, после того как он осуществит удовлетворение своих чисто материальных планов самообогащения путем порабощения и эксплуатации русского народа в любом случае.

Вопрос о парламентаризме всегда определяет характер и цели социалиста. Этот вопрос отнюдь не является чисто тактическим, как иногда утверждают неискренние демагоги. На самом деле социалистическое движение всех направлений никогда не относилось к этому вопросу как к второстепенному, как к вопросу, имеющему лишь сиюминутное тактическое значение. Парламентаризм или антипарламентаризм всегда был предметом спора в современном рабочем движении, и это потому, что особая позиция по отношению к нему приводит к совершенно особой фундаментальной приверженности и принципиальным действиям, из которых только затем вытекает тактика, также совершенно особенная в этом отношении.

Мы, безначальственные социалисты, принципиально отвергаем парламентаризм, потому что он является средством господства, специфическим институтом господства буржуазии и её государственно-капиталистической социальной конституции, в рамках которой пролетариат всегда должен эксплуатироваться и угнетаться, потому что именно это состояние пролетариата составляет основу буржуазного строя. Мы отвергаем парламентаризм ещё и потому, что через него не может быть проведено никаких социалистических дискуссий или решений, потому что через него происходит только участие в государственной политике и управлении капиталистическо-буржуазным обществом, и каждый, кто в нем участвует,

становится, таким образом, опорой, элементом консервативного поддержания и продолжения существующего общества. В самом парламенте депутаты, какой бы партии они ни были, могут действовать только в этом смысле, и ни в каком другом; если они пытаются действовать иначе, их действия абсолютно бесполезны, как мы видели, что как только социалисты в парламенте хотели действовать социалистически в принципе, они признавали бесполезность своих действий и обычно отказывались от своего мандата или лишались его. Из старых примеров мы приведём только Прудона, Иоганна Моста, Домела Ф. Ньивенхёйса, из более поздних примеров можно назвать английского социалиста Уотсона, немецко-американского Бергера и Карла Либкнехта.

Поэтому парламентаризм совершенно бесполезен и бессмыслен для дела пролетариата. Его принятие, деятельность в его духе, осуществление его функций — что возможно только в том случае, если избранный представитель сначала приносит присягу, в которой он прямо заявляет о своей поддержке существующего правящего института государства и капитализма и обязуется представлять его! – сами по себе являются доказательством того, что данная партия не намерена бороться за социализм, не намерена выступать за ликвидацию капиталистического государственного строя, а стоит на почве существующего и хочет участвовать в его поддержании в административном или законодательном качестве.

Однако такая партия, как социал-демократия, вполне логична, когда появляется в парламенте. Это ни в коей мере не движение, занимающееся реализацией социализма или социальной революции; это, так сказать, полностью демократическая правящая партия, которая, в соответствии с принципами демократии, выступает за разделение власти между представителями различных классов общества. Как демократическая партия, она может добиться и многого буржуазно-прогрессивного, хотя достигнутое совершенно непропорционально затраченным средствам и энергии, которые, будучи использованы в области социальной борьбы, принесли бы бесконечно больше и более целесообразные результаты, чем способны дать даже самые идеальные демократические реформы.

Обман социал-демократии, однако, на самом деле не является обманом народа, а только обманом пролетариата. Пролетариат обманут в том, что парламентские выборы важны для его социального освобождения, и социал-демократия должна совершить этот обман, потому что участие в буржуазных выборах отнимает так много сил и энергии у народа и партии пролетариата, что у них не может остаться времени и средств для более важных и других дел. Поэтому пролетариат должен быть обманут в том, что парламентаризм служит его спасению и пользе, тогда как по вышеуказанной причине он является совершенно вредным и пустой тратой энергии и в действительности действует на пролетариат только как величайший истощающий и ослабляющий аппарат. Ведь даже имея большинство в парламенте – это наиболее ярко проявилось во время Каппского путча в Германии – пролетариат будет совершенно бессилён перед лицом политических и социальных факторов власти и собственности капиталистического меньшинства в парламенте, которые лежат вне его. Если пролетариат хочет бороться с этими факторами, он всегда вынужден использовать внепарламентские методы, социальные средства действия экономической силы, при этом парламентаризм оказывается совершенно бессмысленным и вредным для пролетариата, так как он отвлекает и ослабляет его.

Но партия, которая прямо и исключительно вводит пролетариат в заблуждение и обманывает его в ещё большем смысле, – это партия, которая, подобно социал-демократии, является в действительности не классовой, а народной партией, – величайший обман пролетариата совершает партия, выдающая себя за революционную партию, утверждая, что она должна пользоваться парламентаризмом, и поэтому рекомендует пролетариату делать это. Ленин, а вместе с ним и «коммунистическая» партия, следуя его указаниям, совершают такое позорное мошенничество.

Конечно, это лишь демонстрирует, насколько правильно мы всегда оценивали ее, когда заявляли, что она находится куда ниже уровня бывших «радикалов» 1880-х годов в Австрии или даже «молодых социалистов» в Германии после принятия антисоциалистического законодательства. Признав парламентаризм, «коммунистическая» партия оказывается тем, чем мы всегда её и считали: оппозиционной партией, полностью социал-демократической в теории и тактике, чьи представители поднимают чужие, так называемые «революционные» флаги и используют псевдореволюционные лозунги только из самой яростной жадности к мандату, но которые в конечном итоге так или иначе вернутся в материнскую партию. Ведь все они происходят от марксизма и должны оставаться ветвями того же дерева.

Теоретической и тактической отправной точкой Ленина как революционного марксиста является осознание того, что парламентаризм в его буржуазной форме – это обман пролетариата, что означает, что он принял нашу старую истину. Поэтому, продолжает он, он должен быть заменен системой советов, которой должна быть придана отчетливо пролетарская форма. Для этого необходимо свергнуть существующую форму правления и все ее институты, прежде всего буржуазный парламентаризм. Ибо только с его ликвидацией будет разрушена основная форма юридической и политической власти буржуазии.

Настолько далеко можно зайти с Лениным — не считаясь со средствами, и поэтому (...) мы можем пока совершенно не принимать во внимание его следующую цель: не свободное, безгосударственное общество советов всех производителей, а советскую диктатуру над производителями. Но одно несомненно: даже первая часть ленинской программы не может быть достигнута путём парламентаризма, буржуазной избирательной политики и т.п.; напротив, эти последние своим разложением, отвлечением и распылением сил совершенно тормозят эту положительную первую часть ленинской программы в положительно гибельном направлении!

Поэтому, если бы Ленин был честным социалистом, настоящим революционером, он должен был бы быть абсолютным антипарламентарием. Но именно потому, что он не таков, он нечестен и в первой, разрушительной части своей (...), в которой мы, анархисты, безусловно, идём вместе с ним, и в которой мы достигаем гораздо большего, чем Ленин и большевизм. Последние уничтожают старое буржуазное правление и его формы только для того, чтобы установить новое буржуазное правление от имени пролетариата, тогда как наша борьба делает последнее прямо невозможным, так как мы можем признать задачей и целью социальной революции только отсутствие правления.

II.

Какие новые аргументы приводит Ленин в пользу парламентаризма? О, они не новы, ибо уже были блестяще опровергнуты полвека назад, когда один из самых отвратительных политиков тогдашней немецкой социал-демократии Жан Батист Швейцер вел пролетариат за собой на дурацкой веревочке парламентаризма. Но давайте сначала послушаем Ленина: «Мы, коммунисты, идём в буржуазный парламент, чтобы с этой трибуны основательно прогнать капиталистического строя разоблачить этот обман, которому подвергаются рабочие и трудящиеся массы».

Чтобы разоблачить мошенничество, необходимо самому стать мошенником. Эта чудесная логика, как я уже сказал, древняя, и мы знаем сегодня, к чему она привела лидеров бывшей, как Ленин, «революционной» социал-демократии. Каждый мыслящий человек знает, что парламентарий является соучастником мошенничества, совершаемого буржуазным парламентом над рабочими и трудящимися массами, – он получает зарплату от буржуазного государства и тем самым становится его союзником, – и уже по этой причине должен быть самым неподходящим человеком, от которого можно и нужно ожидать разоблачения парламентского мошенничества. Но пока давайте продолжим слушать лекции Ленина и «просвещать» его несколько озадаченных последователей и верующих – как мог бы Густав Ландауэр, который, как хотел бы заставить нас поверить Эрих Мюзам, якобы был поклонником Ленина, посмеяться над их верой в Ленина! – «Пока у нас нет сил разогнать этот буржуазный парламент, мы должны работать против него изнутри и извне. Пока хоть сколько-нибудь значительное число рабочих – не только полупролетариев и мелких крестьян – доверяет буржуазно-демократическим средствам обмана рабочих буржуазией, мы должны разоблачать этот обман именно с той трибуны, которую отстаивают рабочие, и особенно непролетарские рабочие массы, считают наиболее авторитетной и упорядочивающей».

Здесь Ленин, поставивший перед собой задачу «разоблачить перед рабочими и трудящимися массами этот обман» буржуазного парламента, совершенно очевидно превращается в самого демагогического обманщика. В трезвых словах, выражающих то, что он думает и знает, его позиция означает следующее: Пока значительное число рабочих ещё верит в буржуазную аферу парламентаризма, мы должны не просвещать их, а использовать эту аферу для того, чтобы самим занять там места. Для этого Ленин не гнушается никакими коварными средствами: он даже предписывает своим последователям обращаться не только к пролетариату, но и к полупролетариям и мелким буржуа, которые не имеют ничего общего с социалистическими целями, не знают их и потому борются против них. Вместо того чтобы воспитывать их в социалистическом и ясном духе, их хотят использовать как голосующий скот, подобно тому как русских пролетариев используют в качестве пушечного мяса. И, по Ленину, это предательство должно иметь место только потому, что «отсталые», т. е. самые отсталые слои трудящихся и особенно непролетарских, трудящихся масс ещё верят в парламентаризм и их можно склонить на сторону стремящегося к мандату штрейкбрехера, который прекрасно понимает, что парламентская трибуна – самая никчёмная и самая малоуважаемая и что с парламентом вообще нельзя бороться «изнутри», потому что вхождение в него равносильно отречению от своих революционных чувств и

отказу от всякой реальной борьбы с буржуазным государством.

Короче говоря, Ленин учит «коммунистов» начинать заново в той же мошеннической форме, в какой начинала социал-демократия два века назад, с тем же методом и тактикой, которые неизбежно превратили её в антиреволюционную партию, утверждающую себя только в буржуазном законодательном шарлатанстве. Он призывает своих последователей к методологии, неизбежно ведущей к укреплению буржуазного общества, которое виновато в том, что его полвека спасала социал-демократия. Именно парламентаризм держал пролетариат в невежестве и бросил его на произвол судьбы во время мировой войны. Именно неспособность к инициативе и сознательному социалистическому обновлению, которой благоприятствовала его бездумная роль в качестве средства для голосования в пролетариате, привела к тому, что после военного краха пролетариат был неспособен иметь представление о том, как начать новую жизнь на социалистической основе, а позволил обмануть себя своим ловким хитрым вождям, позволив им стать опорой власти для возрождения капиталистического мира.

В связи с последним фактом для него очень показательно звучит, когда Ленин пишет, что вожди пролетариата сначала приобретают в парламенте знания, необходимые для успешного захвата ими власти: «Без этих знаний пролетариат не справится с задачами пролетарской диктатуры, ибо и тогда буржуазия в своём новом положении (положении свергнутого класса), в других формах, в других областях, будет продолжать свою политику одурманивания крестьянства, подкупа и запугивания служащих, прикрытия своих корыстных и гнусных начинаний фразами о демократии».

В этом одном абзаце раскрывается весь обман пути и цели марксизма-ленинизма. Он показывает, что при «диктатуре пролетариата» правящие позиции в государстве занимают и используют выскочки из пролетариата, но пролетариат остаётся эксплуатируемым и господствующим классом, потому что буржуазия также сохраняет своё финансовое господство, хотя и в некоем вынужденном союзе с государством, и ни в коем случае не теряет своих фундаментальных позиций власти. Хотя бы потому, что новое государство также нуждается в них и использует их.

Вот что подразумевает Ленин под «знаниями», которые должны быть получены в парламенте, который, вероятно, является последним возможным педагогическим институтом: он справедливо имеет в виду, что в нем парламентские паразиты пролетариата учатся и приобретают те уловки своего господства над народом, те тонкости народного обмана, которые необходимы им в любой системе правления, а значит, и в «диктатуре пролетариата», для подавления и эксплуатации пролетариата. Ведь именно эти «знатоки» станут новым правящим классом, новой буржуазией в союзе со старой. «Диктатура пролетариата» – это не приход пролетариата к власти, а соперничество между правящими экономическими и политическими правителями и теми, кто хочет ими стать; и эта борьба завершается перемирием между прежними и новыми правителями, которые теперь делят друг с другом и потворствуют самому позорному порабощению и эксплуатации продолжающегося пролетариата.

Мы уже говорили выше, что все эти неискренние аргументы Ленина, оправдывающие его теперь уже и парламентское введение пролетариата в заблуждение, давно опровергнуты. Человеком, который полностью опроверг их еще в 1869-м году, был Вильгельм Либкнехт, который в своей речи «О политическом положении социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу» пришел к следующему сокрушительному опровержению и отрицанию парламентаризма, которое сегодня актуально как никогда:

“ «Давайте подытожим:

Наши выступления не могут оказать прямого влияния на законодательство.

Мы не можем преобразовать Рейхстаг с помощью наших речей.

Своими речами (в рейхстаге) мы не можем распространить среди масс истины, которые мы не могли бы распространить гораздо лучше в других местах.

Так в чем же практическая цель выступлений в рейхстаге? Ни в чём. А говорить без цели – удовольствие для дурака.

Ни одного преимущества! А теперь, с другой стороны, недостатки: Принцип принесён в жертву, серьёзная, аполитичная борьба низведена до парламентского фехтования с зеркалом, народ оболещён заблуждением, что... рейхстаг должен решить социальный вопрос. – И мы должны участвовать в парламенте из практических соображений? Только предательство или недалёковидность могут подтолкнуть нас на это.

То, что правильно в принципе, всегда является наилучшим на практике.

Следование принципам есть лучшая политика».

Правильность этих слов не может быть опровергнута тем фактом, что Вильгельм Либкнехт также предал свой собственный здравый смысл. Эта правота – не только осуждение его образа жизни как политика, нет, она стократно подтверждается последними пятьюдесятью годами социал-демократической истории, которые, несомненно, показывают нам не что иное, как разложение и упадок его изначально социалистической воли – банкротство, которое является следствием парламентаризма и его деятельности в современном рабочем движении.

Отсюда ясно, что ленинская позиция в пользу парламентаризма не только абсолютно отвергается нами, анархистами; она была заклеена как предательство полвека назад одним из самых известных теоретиков марксизма. Провозглашать эту точку зрения сегодня, даже после опыта последнего десятилетия, как допустимую для социально-революционного движения пролетариата, есть сознательный обман, в котором виновен Ленин.

Но не только это он делает, навязывая парламентаризм «коммунистическим» партиям Западной Европы; он и они становятся положительными приспешниками реакции и укрепляют её против общепрогрессивных тенденций демократии, которые могут быть преодолены только высшим идеалом свободы, а не тьмой другого принципа правления. Последнее, однако, происходит, когда «коммунисты» вступают в предвыборную кампанию и, при почти полной безнадёжности своих кандидатов, лишь подрывают голоса социал-демократов в пользу клерикальной или немецкой национал-консервативной партии. Таким

образом, они способствуют реакции, не принося ни малейшей пользы делу прогресса, они усиливают регрессивные тенденции общественной жизни, они ослабляют – в решающей для них области – единственную партию, которая представляет собой не социализм, но по крайней мере демократию в противовес монархии, клерикализму и белому террору кровавой опасности реставрации.

Недальновидный человек может считать, что наше воздержание от голосования имеет тот же эффект. Это мнение ошибочно. Неучастие в политической ахинее организованных государством выборов означает полный отказ от буржуазного и государственного общества, которое мы оставляем на произвол судьбы и неподдержку которого мы торжественно заявляем своим неучастием в голосовании.

Для нас, безначальственных социалистов, парламентаризм – это институт, который должен пасть вместе с падением буржуазии и её строя, неадекватность и функции которого, лишь слабо скрывающие абсолютизм всякого государства, уже сегодня становятся очевидными и поэтому отвергаются нами; тем более, что уже в целом складывается мнение, что парламентская система представительства – это дискуссионный клуб юридической силы и власти, полностью лишенный духа, знаний и опыта, который рано или поздно должен быть заменён чем-то напоминающим профессиональное представительство, а значит, системой социально-экономических советов, которую только мы и признаем.

Наше воздержание – это протест непризнания всей существующей системы. И бесспорно, что растущее число неголосующих – тревожный знак для государства и всех его партий, проявляющийся почти повсеместно во введении обязательного голосования, которого также можно избежать.

Государство и все партии знают это: неизбиратели видят их насквозь и отказываются от своего представительства и защиты своих интересов, поскольку признают и то, и другое обманом. Таким образом, контингент неголосовавших исключается из расчетов всех партий и государства, которые знают, что неголосовавшие индивидуально и коллективно идут своими путями, которые так или иначе враждебны государству в своей совокупности. А мы, со своей стороны, знаем, что для нас, безначальственных социалистов, неучастие в выборах идёт рука об руку с пропагандой прямого социально-экономического просвещения и действия, с общественной реализацией наших идей с соответствию с нашими силами.

Чтобы не стать его соучастниками, мы отвергаем участие в государственном мошенничестве, в то же время боремся с ним и направляем людей к самостоятельному действию социализма, потому что оно может и будет реализовано только вне и независимо от государства и всех его институтов.

Именно в своих действиях мы являемся наиболее прогрессивным элементом населения и сознательно изменяем в свою пользу общество нашего ближайшего и более широкого окружения, как в малом, так и в большом масштабе. Наше неголосование – это отказ от пассивного подчинения представительству политиков, которые произвольно и авторитарно определяют нашу жизнь в соответствии с государственными и партийными интересами, чьи решения мы должны будем юридически признать, даже будучи меньшинством, если примем

участие в избирательной кампании, поскольку любое участие в ней подтверждает право большинства на власть. Мы также отвергаем такую форму правления, и поскольку мы не участвуем в выборах, большинство не может требовать от нас добровольного уважения и подчинения, которые мы ему не должны. Таким образом, отказ от голосования – это прямое действие неподдержки существующего порядка власти и в то же время социальное действие в смысле самостоятельной инициативы действий и реализации наших идей и идеалов.

Мы оставляем тех в покое, кто все еще находится в плену заблуждений и иллюзий интересов своего буржуазного государственного строя, миримся между собой и идём своим путём. Это совсем не то, что дробить существующий электорат и отстаивать интересы прогрессивных партий перед реакционными, выставляя собственных кандидатов! Именно этим сейчас занимаются «коммунисты», которые только наносят ущерб социал-демократам, не ставя перед собой ни малейшей самостоятельной цели действий. Более того, они даже отказались от неё, обратившись к парламентаризму и включившись в его обманную игру. Тем самым они совершили то, что Ленин и большевизм в целом сделали с революционным делом нашего времени: они разрушили его псевдореволюционным марксизмом и тем самым оправдали и укрепили реакцию. И делают они это только потому, что их цель и путь – заблуждение, а не путь, ведущий к освобождению, в чем мы сейчас ещё раз убеждаемся.

Признание Лениным парламентаризма проистекает не из каких-то иных побуждений, кроме марксистских: если мы ещё не можем добиться порабощения пролетариата с помощью аферы «диктатуры пролетариата», то, может быть, мы сможем добиться соправительства обычными средствами парламентского мошенничества и эксплуатации народа. Потому что править, править они хотят в любом случае, эти враги свободы.